

Н. Е. Тихонова

Динамика социально-экономического положения массовых слоёв населения России: 2003–2018 гг.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6000

Тихонова Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; профессор-исследователь, НИУ ВШЭ. 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: netichonova@gmail.ru

Тел.: +7 (903) 729 05 39

Аннотация. В статье показано, что падение номинальных доходов населения в последние два года прекратилось, хотя говорить об их реальном росте можно лишь применительно к относительно узкому сегменту населения, в основном представителям домохозяйств без иждивенцев. Эта ситуация отражается и в общественном сознании. Самооценки россиянами своего материального положения, заметно улучшившись после окончания экономического кризиса, остаются в последние два года неизменными, а число считающих своё материальное положение плохим или ухудшающимся по-прежнему в разы больше, чем число считающих его хорошим или улучшающимся. В то же время уровень жизни большинства россиян, хотя и снизился по сравнению с предкризисным периодом, но не катастрофично, что в значительной степени смягчает негативное восприятие населением своего положения. В статье продемонстрировано также, что стандарты жизни россиян в так называемую «Путинскую эпоху» качественно изменились: многократно выросли их реальные доходы, резко расширился имеющийся в домохозяйствах большинства населения имущественный набор (включая появление автомобилей и разного рода гаджетов), а предметная среда, с которой россияне постоянно имеют дело в своей повседневной жизни, стала значительно разнообразнее и сложнее. К этим позитивным изменениям добавилось улучшение жилищных условий. Однако одновременно произошло превращение закредитованности в норму жизни и «раскрестьянивание» российской деревни, имевшее не только положительные (например, снижение нагрузки в подсобном хозяйстве), но и отрицательные (прежде всего, снижение «запаса прочности» у сельских жителей) последствия. Таким образом, в последние полтора десятилетия в образе жизни и быте россиян произошли кардинальные изменения, сформировавшие новые нормы и стандарты жизни. Эти изменения столь масштабны, что, постепенно накапливаясь, неизбежно приведут в среднесрочной перспективе к радикальной трансформации всего российского общества.

Ключевые слова: уровень жизни, благосостояние, доходы, жилищные условия, финансовое поведение, образ жизни.

Постановка проблемы

Последние 15 лет в жизни россиян напоминали своего рода американские горки — быстрый рост благосостояния в середине 2000-х гг., его резкое падение в кризис 2008—2009 гг., постепенное его восстановление и даже рост в начале 2010-х гг., затем вновь падение в 2014—2016 гг., уже более затяжное, чем в предыдущий кризис. При этом выход из последнего экономического кризиса проходит в гораздо более тяжёлых условиях, чем в 2009—2010 гг., и характеризуется более сложным общим фоном развития страны, включая ухудшение отношений с Западом. Это актуализирует вопросы о том, что же реально происходит с благосостоянием россиян в посткризисный период? Как они воспринимают своё нынешнее социально-экономическое положение¹ и его динамику? С чем связано такое восприятие и какую роль играет в этом динамика их положения в последние 15—20 лет? Как вообще изменился стандарт жизни населения страны в так называемую «Путинскую эпоху»?

Для получения ответа на эти вопросы мы использовали несколько массивов данных исследований, проведённых исследовательской группой под руководством М. К. Горшкова². Опираясь на полученные данные, для начала посмотрим, что же реально происходило с благосостоянием россиян в посткризисный период и как они воспринимают динамику в этой области. Сразу отметим, что в целом социально-экономическое положение россиян весной 2018 г. выглядело очень противоречиво. Эти противоречия проявлялись как в дисбалансе его объективных показателей и субъективных оценок россиянами своего благосостояния, так и в разнонаправленности тенденций изменения самих этих показателей или оценок. Так, если говорить о **субъективном восприятии населением своего материального положения**, то оно имело весной 2018 г. скорее негативный характер: 36% россиян говорили о том, что их материальное положение за последний год ухудшилось, 11% — что оно улучшилось и 53% — что оно осталось неизменным. В то же время жалобы на ухудшение этого положения встречались в 2018 г. заметно реже, чем во время последнего экономического кризиса (см. рис. 1). Тот факт, что

¹ В данной статье, в силу ограниченности её объёма, мы полностью отвлекаемся от тех аспектов этого положения, которые связаны с производственной деятельностью россиян. О том, как изменилась у россиян за время кризиса ситуация на работе, см.: [Российское общество..., 2017: 34—55; Тихонова, Каравай, 2017].

² В основном в статье использованы данные репрезентативных общероссийских исследований «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., N = 2106, подробнее см.: [Россия..., 2004]), «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008 г., N = 1750, подробнее см.: [Малообеспеченные..., 2008]), «Бедность и бедные в современной России» (март-апрель 2013 г., N = 1600, подробнее см.: [Бедность..., 2014]) и базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» за 2014—2018 гг., созданные при финансовой поддержке РНФ (N каждой волны = 4000, подробнее см.: [Российское общество..., 2017]). Использовались также данные других исследований, но в этих случаях на них даются специальные ссылки.

последний год не принёс улучшения материального положения россиян, говорит о консервации сложившейся по итогам кризиса ситуации. России по-прежнему ещё далеко до позитивной субъективной динамики благосостояния начала и середины 2000-х гг. Далеки показатели субъективной динамики социально-экономического положения населения страны и от ситуации накануне кризиса (весной 2014 г.), когда улучшение в своём материальном положении видело большее число россиян по сравнению с видевшими в нём ухудшение.

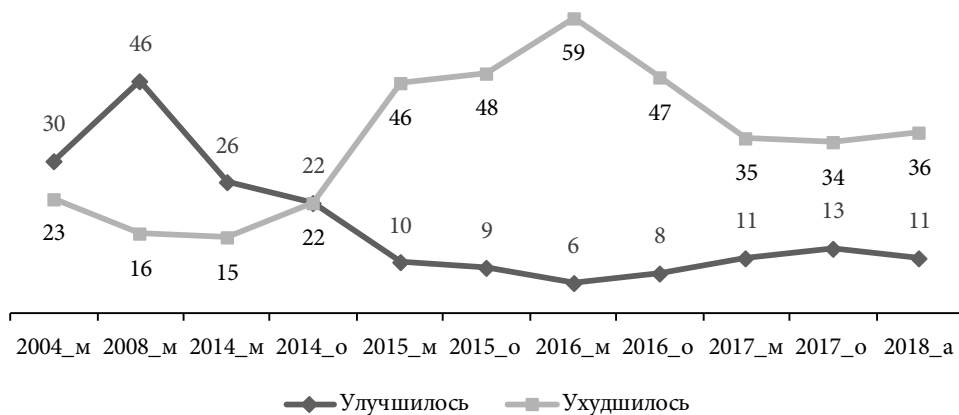

Рис. 1. Динамика соотношения оценивающих своё материальное положение как улучшившееся и ухудшившееся по отношению к ситуации годичной давности, 2004–2018 гг., %

Примечание: «2004_м» означает опрос в марте 2004 г.¹, «2008_м» – опрос в марте 2008 г., «2014_м» – опрос в марте 2014 г.², «2014_о» – опрос в октябре 2014 г., «2015_м» – опрос в марте 2015 г., «2015_о» – опрос в октябре 2015 г., «2016_м» – опрос в марте 2016 г., «2016_о» – опрос в октябре 2016 г., «2017_м» – опрос в марте 2017 г., «2017_о» – опрос в октябре 2017 г. и «2018_а» – опрос в апреле 2018 г.³

Неоднозначно оценивают россияне не только своё нынешнее материальное положение в целом, но и отдельные его стороны (см. таблицу 1). При этом максимальное недовольство они проявляют своими возможностями для отдыха в период отпуска и своим материальным положением в целом – в этих вопросах негативные оценки перевешивают по распространённости хорошие. В то же время, если говорить об удовлетворении базовых материальных потребностей, т. е. о питании, возможностях приобретения необходимой одежды или жилищных условиях, то ситуация складывается сейчас для населения страны скорее благо-

¹ Данные общероссийского исследования ИКСИ РАН «Граждане новой России» (N = 2005), 2004 г.

² Данные общероссийского исследования ИС РАН «Средний класс современной России» (N = 1600), 2014 г.

³ Данные различных волн Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН за 2014–2018 гг. (N = 4000).

приятно, чем неблагоприятно. Однако по отношению к базовым материальным потребностям среди россиян доминирует всё-таки оценка «удовлетворительно», а не «хорошо».

Таблица 1

Оценки россиянами своего материального положения и его различных сторон, 2018 г., %

Предмет оценки	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Разница оценок «хорошо» и «плохо»
Питание	34	60	6	28
Жилищные условия	33	53	14	19
Одежда и обувь	26	64	10	16
Возможности проведения досуга	28	52	20	8
Возможности отдыха в период отпуска	19	53	28	-9
Материальная обеспеченность в целом	15	62	23	-8

Таким образом, несмотря на отсутствие видимых улучшений в субъективных оценках динамики материального благосостояния россиян в посткризисный период, их восприятие своего социально-экономического положения в целом не носит остродраматического характера. При этом тенденция ухудшения материального положения характеризует, судя по самооценкам его населением, заметно меньшую его долю, чем в период кризиса. Более того, если сравнить ситуацию с тем, какой она была в другие периоды жизни страны (см. рис. 2), то понятно, что в целом ощущение субъективного материального благополучия у россиян находится сейчас примерно на том же уровне, что и 10 лет назад, весной 2008 г., т. е. в очень благополучный с точки зрения его оценки в общественном сознании, момент отечественной истории.

Почему же, несмотря на бесспорное ухудшение социально-экономического положения населения страны в 2014–2018 гг. и стагнацию этого положения после выхода из кризиса, россияне настроены в отношении него относительно спокойно? Ниже мы постараемся ответить на этот вопрос и показать, что дело здесь отнюдь не в том, что «холодильник проиграл битву телевизору». Главная причина довольно спокойного отношения россиян к своему нынешнему положению заключается в другом: хотя в последние годы материальное положение у многих из них действительно ухудшилось, но это ухудшение не имело пока в большинстве случаев критического характера, и в целом положение представителей массовых слоёв сейчас всё же лучше, чем оно было 10 и тем более 15 лет назад. Поэтому, хотя в этой области действительно есть очень серьёзные проблемы, однако они не способны стать причиной для формирования серьёзного недовольства в массовых слоях населения, даже если они и вызывают неудовлетворённость динамикой своего социально-экономического положения.

Рис. 2. Динамика хороших и плохих оценок россиянами различных аспектов своего социально-экономического положения, 2008, 2013, 2018 гг., %

Рассмотрим для обоснования этого вывода прежде всего такой объективный показатель материального положения населения, как **доходы и их динамика**. Как свидетельствуют данные, в последнее время идёт медленный рост номинальных *среднедушевых* ежемесячных доходов домохозяйств. Так, с октября 2017 г. по апрель 2018 г. они выросли с 17 642 до 18 083 руб., т. е. на 2,5% (или примерно на 5% в годовом выражении). В то же время, если учесть инфляцию, можно говорить скорее об их стагнации в среднем по массовым слоям населения после периода их падения в кризис 2014–2016 гг., но не об их росте. Эта стагнация особенно хорошо видна на показателе медианных среднедушевых ежемесячных доходов, составлявшем весной 2018 г., по данным Мониторинга ФНИСЦ РАН, 15 000 руб., как и в 2015, 2016 или 2017 гг. При этом среднеарифметические доходы, в отличие от медианных, как уже отмечалось выше, за то же время выросли. Такое расхождение между динамикой средних и медианных доходов говорит о неравномерно-

сти распределения прироста доходов по населению, т. е. о том, что этот прирост был обеспечен исключительно за счёт роста доходов в наиболее благополучных его слоях. Именно стагнацией даже номинальных доходов у большей части населения на фоне пусть снизившейся по темпам, но всё же сохраняющейся инфляции и объясняется во многом распространённость среди россиян ощущения ухудшения своего материального положения даже в посткризисный период.

Не менее важно, впрочем, и другое обстоятельство, связанное скорее не с экономическим, а с психологическим фактором, который тоже оказывает влияние на формирование неудовлетворённости населения (в том числе и у многих представителей благополучных слоёв) своим материальным положением. Длительное время доходы россиян и в номинальном, и в реальном выражении росли довольно быстро – медиана среднедушевых доходов россиян выросла в *номинальном* выражении за период с 1997 по 2017 г., по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, в 37,5 раза (с 400 до 15 000 руб.). Этот быстрый рост не смогли затормозить даже кризисы 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг., поскольку рост доходов населения, по крайней мере номинальных, восстанавливался после них довольно быстро. В то же время последний кризис продемонстрировал совершенно иную картину динамики номинальных доходов массовых слоёв населения – как уже отмечалось выше, вот уже четыре года подряд медианный показатель их не меняется при всё ещё относительно высоких темпах инфляции. Это вызывает у россиян, на фоне накапливающихся в условиях стагнации доходов отложенных потребностей, ощущение ухудшения своего материального положения за счёт болезненности слома ставшей уже привычной тенденции непрерывного роста доходов.

Ещё понятнее становятся причины неудовлетворённости россиян своим материальным положением при рассмотрении не номинальных, а *реальных* доходов, учитывающих также уровень накопленной за последние 20 лет инфляции. Как свидетельствуют данные наших опросов, медиана среднедушевых доходов за это время выросла и в этом случае, хотя и гораздо меньше, чем для номинальных доходов, – в 2,5 раза (с 400 до 988 руб. в ценах 1997 г.¹). Однако даже такой рост тоже означал формирование принципиально новых возможностей для потребления, в частности перехода от модели выживания к так называемому стилевому потреблению. Это было тем более важно, что быстрый рост реальных доходов наложился на появление в 1990-х гг. новых групп товаров в силу открытия товарных рынков при либерализации экономики, а в 2000-е и 2010-е гг. – на появление в повседневной жизни населения принципиально новых их видов (средства мобильной связи, разного рода гаджеты и т. п.). В итоге россияне, пережив сначала шок от резкого и очень глубокого падения доходов в начале 1990-х гг., оказались затем по мере восстановления и последующего роста этих

¹ Реальные среднедушевые доходы населения рассчитаны с использованием данных ФСГС РФ. См.: [Индексы потребительских..., 2018].

доходов перед неиссякаемым источником товарных соблазнов, к экономически правильной реакции на которые они не были подготовлены воспитанием в советскую эпоху товарного дефицита. Длительный десятилетия период вынужденного «товарного недоедания», особенно острая фаза которого пришлась на 1990-е гг., привёл к формированию у россиян чувства постоянного «товарного голода», проявившегося в буквально взрывной активности населения на всех товарных рынках в 2000-е и в первой половине 2010-х гг. Кризис 2014–2016 гг. со стагнацией номинальных и падением реальных доходов сломал и этот укоренившийся за почти 15 лет стереотип поведения.

В то же время в разных группах населения динамика доходов, в том числе — не только средних и медианных, но и среднедушевых или индивидуальных доходов, была различной. Если среднедушевые доходы в период осени 2017 — весны 2018 гг. характеризовались стагнацией, то для номинальных *индивидуальных* доходов (прежде всего зарплат) был характерен довольно быстрый рост: в среднем они выросли в массовых слоях населения с 22 766 руб. в октябре 2017 г. до 24 256 руб. в 2018 г. Таким образом, их рост составил 6,5% (или 13% в годовом выражении), обогнав не только общую инфляцию по экономике, но и инфляцию по потребительской корзине. Такое соотношение их с динамикой среднедушевых доходов в домохозяйствах говорит о том, что роль других источников доходов для массовых слоёв населения резко сократилась. Прежде всего заметно уменьшился вклад в совокупные доходы представителей массовых слоёв населения пенсий, индексация которых заметно отставала от реального роста цен, в совокупные доходы представителей массовых слоёв населения. Однако коснулось это и доходов от бизнеса, собственности и т. д.

Интересно, что падение роли этих источников доходов, фиксируемое на социологических данных, противоречит данным статистики. Так, согласно данным ФСГС РФ, оплата труда, включая скрытую зарплату, составляла в 2017 г. 65,1% всех доходов, как и в 2012 г., хотя в 2014 г. доходила до 65,8% [Уровень жизни..., 2018]. При этом вклад социальных выплат в совокупные доходы населения, по данным статистики, вырос, и довольно значительно — на 1,7% (с 18,0% в 2014 г. до 19,7% в 2017 г.). Такая картина свидетельствует о недооценке статистическими службами вклада серых зарплат в совокупные доходы населения. Иначе невозможно объяснить возросшую в последние годы и очень значительную тяжесть иждивенческой нагрузки, которую формируют в основном дети и неработающие пенсионеры (в домохозяйствах с более высокими индивидуальными доходами, чем их пенсии), а также (гораздо реже) незанятые трудоспособного возраста. Во всяком случае, хотя *индивидуальные* доходы (зарплаты, пенсии и т. д.) представителей домохозяйств с иждивенцами и без них различались весной 2018 г. на 3–4 тыс. руб.¹, разрыв в *среднедушевых* доходах в этих типах домохозяйств был значительно больше (см. таблицу 2).

¹ Такой разрыв обусловлен во многом тем, что домохозяйства с иждивенцами относительно чаще можно встретить там, где индивидуальные доходы вообще ниже — в сёлах, депрессивных регионах, среди менее образованного населения и т. п.

Таблица 2

Доходы россиян с иждивенцами и/или неработающими пенсионерами и без них, 2018 г., руб.

Доходы	Домохозяйства с иждивенцами и/или пенсионерами	Домохозяйства без иждивенцев и/или пенсионеров	Разрыв в домохозяйствах с иждивенцами и без них, <i>разы</i>
Индивидуальный доход			
Средний	23 275	27 151	1,17
Медианный	20 000	23 000	1,15
Среднедушевой доход			
Средний	15 725	25 388	1,61
Медианный	14 000	20 750	1,48
Разрыв между индивидуальным и среднедушевым доходом, <i>разы</i>			
По средним доходам	1,48	1,07	0,72
По медианным доходам	1,43	1,11	0,78

Всё вышесказанное означает, что доходы и цены изменились под влиянием кризиса таким образом, что в первую очередь пострадали домохозяйства с иждивенцами, в том числе с неработающими пенсионерами. Если рост доходов в домохозяйствах с иждивенцами в последние годы, как правило, не мог компенсировать темпы инфляции, то без иждивенцев заметно опередил их. При этом домохозяйства без иждивенцев и до последнего экономического кризиса находились в наиболее благоприятном положении [Слободенюк, 2014] и имели наименьший объём отложенного спроса. В итоге россияне без иждивенцев находятся сейчас в гораздо более благополучном положении не только по отношению к тем, у кого в домохозяйствах есть дети, пенсионеры, безработные и т. д., но и к самим себе в предшествующие периоды. Однако семей без иждивенцев в России относительно немного — лишь около четверти всего населения. Поэтому ситуацию с социально-экономическим положением населения в целом определяют всё-таки не они, а находящиеся в довольно сложном положении семьи с иждивенцами. В то же время показатели домохозяйств без иждивенцев довольно сильно приукрашивают общую картину социально-экономического положения массовых слоёв россиян в настоящее время.

Немаловажным аспектом социально-экономического положения россиян выступают и их **жилищные условия**. Эти условия по-прежнему в целом нельзя назвать хорошими. Пятая часть населения проживает в жилищах, где присутствуют не все основные коммунальные удобства (электричество, водоснабжение, канализация, центральное отопление), а у 3% этих удобств вообще нет. Кроме того, 14% населения имеют менее 12 кв. м на человека¹ (в т. ч. 1% — менее 6 кв. м). Наиболее распространённый вариант проживания с точки зрения обеспечен-

¹ Это существенно, т. к. именно после рубежа в 12 кв. м на человека у россиян начинает доминировать позитивное восприятие своих жилищных условий, в то время как у тех, кто имеет меньший метраж в расчёте на человека, доминирует оценка их как плохих (см. рис. 3).

ности метражом при этом – 12–18 кв. м на человека; именно такая жилищная ситуация характеризует 29% россиян (см. рис. 3). В то же время за последние три года даже в массовых слоях населения примерно каждому седьмому россиянину удалось улучшить свои жилищные условия, в том числе половина их (т. е. 8% всех россиян) сделали это за счёт покупки или строительства жилья. В итоге средний метраж, приходящийся на одного человека, даже в массовых слоях населения составляет сейчас в России почти 22 кв. м.

Рис. 3. Доля россиян с различным метражом жилья в расчёте на человека и оценка ими своих жилищных условий, 2018 г., %

Обеспеченность россиян жильём определённого метража, качество этого жилья в плане оснащённости его коммунальными удобствами, а также возможность улучшить свои жилищные условия сильно различаются в группах с различным уровнем доходов. Так, россияне с доходами не выше 0,75 от медианы среднедушевого дохода по стране относительно чаще страдают от жилищных деприваций – среди них более четверти имеют жильё, в котором на человека приходится менее 12 кв. м, притом что в группе с доходами от 0,75 до 1,25 медианы доходов¹, составляющей свыше трети населения и задающей типичный стандарт жизни в нашей стране, таких вдвое меньше – 13%. В более благополучных слоях населения этот показатель составляет уже менее 10%. В то же время даже в низко-доходных слоях каждый десятый имеет довольно просторное жильё – 36 и более кв. м в расчёте на человека.

¹ Такой уровень доходов в российских условиях со 100%-й вероятностью гарантирует пребывание ниже черты бедности, т. е. доходы ниже прожиточного минимума в регионе проживания с учётом состава домохозяйств [Модель..., 2018: гл. 4].

Отчасти это связано с тем, что представители низкодоходных слоёв относительно чаще живут в сельской местности с характерными для неё просторными, но зачастую неблагоустроенными домами — не случайно лишь 64% из них имеют жильё со всеми коммунальными удобствами, при том, что в группе с доходами от 0,75 до 1,25 страновой медианы доходов таких 79%, а в более благополучных слоях — около 90%. Более того, среди низкодоходных россиян 6% проживают в жильё вообще без коммунальных удобств, и в наибольшей степени это также характерно для сёл. В то же время в сёлах заметно выше, чем даже в Москве и Санкт-Петербурге с их дорогоем жильём, доля тех, в чьих жилищах на человека приходится менее 12 кв. м (18% против 11%). В этом плане можно говорить о высокой неоднородности жилищных условий сельских жителей и о повышенной концентрации в сельской местности не только людей с низкими доходами, но и с различными проявлениями жилищной депривации.

Значимыми для распределения жилищных деприваций оказываются, наряду с местом жительства, и другие факторы. В первую очередь стоит сказать об уже упоминавшемся выше наличии в домохозяйствах иждивенцев. Так, 18% имеющих в домохозяйствах иждивенцев располагают менее чем 12 кв. м в расчёте на человека (и ещё почти треть располагает метражом в диапазоне от 12 до 18 кв. м), в то время как в домохозяйствах без иждивенцев таких в 2,5 раза меньше (и лишь каждый пятый при этом располагает метражом в диапазоне от 12 до 18 кв. м). Таким образом, наличие иждивенцев, как и проживание в сельской местности, снижают вероятность избежать не только доходной, но и жилищной депривации.

Сказываются на жилищной обеспеченности россиян и возрастные различия. В наихудшем положении оказываются при этом люди в возрасте от 31 до 40 лет, т. е. в том возрасте, когда в семье обычно уже есть дети, — не случайно 64% тех, в чьих семьях проживают несовершеннолетние дети, имеют менее 18 кв. м на человека (а 22% имеют даже менее 12 кв. м). Помочь этой группе преодолеть жилищную депривированность неспособно даже то, что именно в данной возрастной когорте показатели покупающих жильё или улучшающих свои жилищные условия иными способами максимальны (в общей сложности почти 20% при 14% в семьях без несовершеннолетних детей).

Тем не менее, несмотря на сохраняющиеся в области жилищных условий россиян серьёзные проблемы, нельзя не отметить как позитивный факт то, что в 2017 г. улучшение этих условий продолжалось, в том числе и в наиболее критичной в этом отношении возрастной группе 31–40 лет. Причины этого отчасти носят неэкономический характер (получение наследства и т. п.), а отчасти обусловлены такими экономическими факторами, как подешевевшая ипотека и (в ряде регионов) падение цен на жильё. Особенно заметен этот позитивный тренд в жилищной обеспеченности россиян на относительно длинном временном отрезке — так, за последние 15 лет (с 2003 по 2018 г.) обеспеченность россиян метражом их жилья выросла с 16,7 кв. м на человека до 21,7 кв. м, т. е. в 1,3 раза.

Медленно, но всё-таки идёт и улучшение качества жилищ россиян: если десять лет назад, весной 2008 г., все коммунальные удобства (электричество, вода, канализация и т. д.) имели 73%, а вообще их не имели 7% населения, то весной 2018 г. эти показатели составляли уже 79 и 3% соответственно (в жилищах остальных присутствовала лишь часть таких удобств). Заметно увеличилась среди россиян и доля собственников жилья, в котором они проживают: в 2003 г. таких было 74%, в 2008 г. — 81%, в 2013 г. — 83%, а в 2018 г. — уже 89%.

Однако если посмотреть на проблему находящейся у россиян в собственности недвижимости более широко, учитывая не только собственность на занимаемое ими жильё, но и на другие виды недвижимости, то картина окажется гораздо менее оптимистичной. Так, количество собственников дач, садово-огородных участков с домом и, особенно, участков без дома, резко сократившись ещё в середине 2000-х гг., последние 10 лет остаётся примерно на одном и том же уровне (34–36%). Практически неизменно и число владельцев второго жилья (4–5%). Что же касается земли и скота, то идёт постепенное «раскрестьянивание» страны, и число их собственников неуклонно сокращается (см. рис. 4). Это говорит о всё большем сокращении традиционного для сельских жителей нашей страны «запаса прочности», ранее позволявшего им выживать даже в очень тяжёлых условиях. В то же время такая ситуация свидетельствует и о росте возможностей для сближения сельского и городского образа жизни. О том, что процесс этого сближения идёт, свидетельствует и анализ адаптационных стратегий россиян, в которых даже в кризис у сельских жителей доля приверженцев типичных для городского населения стратегий не уступала числу приверженцев стратегий, традиционных для сельской местности [Тихонова, 2016].

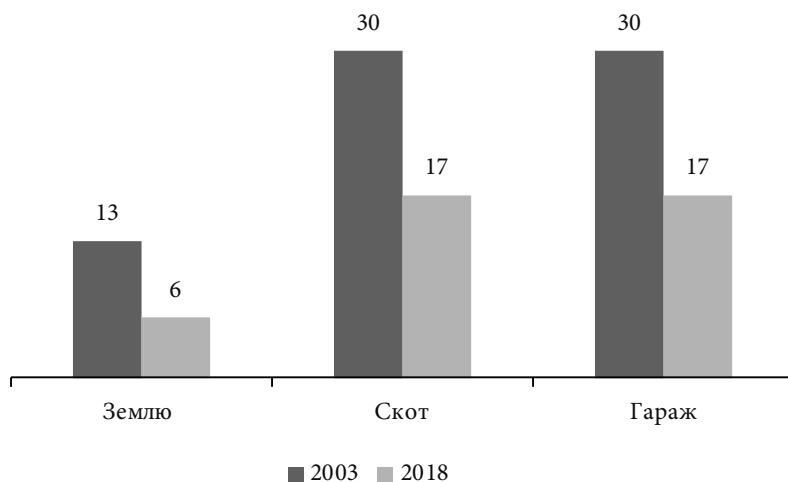

Рис. 4. Динамика численности россиян, имеющих в собственности землю*, скот и гараж / место на благоустроенной автостоянке, 2003, 2018 гг., %

* Без учёта дачных, садовых и огородных участков.

На рис. 4 обращает на себя внимание и то, что за последние 15 лет значительно уменьшилось число собственников гаражей и мест на благоустроенных коллективных стоянках. Скорее всего, это происходит за счёт сноса местными властями разного рода стихийных и некапитальных гаражей («ракушек», самостроя и т. п.), а также ликвидации автостоянок, принадлежавших ранее общественным организациям автомобилистов, выбытие которых не полностью компенсируется строительством новых капитальных гаражей. Сокращение числа мест для хранения автомобилей происходит на фоне поистине взрывного увеличения количества **автомобилей**, находящихся в собственности населения страны. Так, в 2003 г. отечественные автомобили были в домохозяйствах 29% россиян, и 7% имели иномарки, в том числе собранные в России. В 2018 г. эти показатели поднялись до 30 и 61% соответственно, а общее число россиян из таких домохозяйств возросло с 34% в 2003 г. (из которых менее 2% имели два и более автомобилей на семью) до 62% в 2018 г. (причём в подавляющем большинстве случаев автомобиль отечественных марок являлся в этот момент в семье уже вторым автомобилем). Это говорит о массовой автомобилизации населения, которая затронула даже низкодходные слои — 57% россиян из домохозяйств, среднедушевые доходы в которых составляли весной 2018 г. не более 0,75 страновой медианы (а это, напомним, означало пребывание за чертой прожиточного минимума), имели весной 2018 г. в семье автомобили. Таким образом, автомобиль сейчас действительно превратился из роскоши в средство передвижения, став обязательным элементом нового образа жизни россиян.

Что касается других **товаров длительного пользования** (ТДП), также являющихся важной стороной повседневных экономических реалий населения страны, то их набор сейчас в домохозяйствах россиян довольно широк. И хотя, как свидетельствуют наши данные, пережитый кризис сократил обновление россиянами своего домашнего имущества, он всё же не полностью парализовал этот процесс. При этом лидером по покупкам в течение последнего года стала различная цифровая техника — айфоны, смартфоны, планшеты, айпады. Это говорит и о нацеленности большинства россиян на инновационные товары, и об их погружённости в цифровую среду. Второе место по популярности заняли товары, связанные с обновлением обычного домашнего имущества, — телевизоры, кухонная бытовая техника, пылесосы, стиральные машины. Их покупка в большинстве случаев являлась результатом объективной необходимости в замене приходящей в негодность бытовой техники. Практически столь же часто, как товары этой группы, покупали россияне и мобильные телефоны, компьютеры и автомобили. Наименее же популярны были такие всё ещё экзотические для россиян товары, как посудомоечная машина или кондиционер (см. таблицу 3). Однако в целом темпы обновления и расширения набора домашнего имущества в домохозяйствах россиян сейчас довольно низки — так, судя по темпам приобретения в 2017 г. соответствующих видов техники, обновление (даже без учёта расширения круга их пользователей) компьютеров в домохозяйствах россиян должно происходить примерно раз в 20 лет, автомобилей — раз в 15 лет, холодильников — раз в 33 года и т. д.

Таблица 3

Имеющиеся в домохозяйствах россиян и приобретённые ими за последний год виды товаров длительного пользования, 2018 г., % (отранжировано по покупкам последнего года)*

Виды ТДП	Имеют этот вид ТДП	В т. ч. купили его**:		
		Не более года назад	От 1 года до 7 лет назад	Свыше 7 лет назад
Айфон, смартфон	65	14	47	5
Планшет, айпад	44	8	30	6
Телевизор цветной	99	7	62	63
Мобильный телефон	75	5	40	31
Микроволновая печь, кухонный комбайн и др. мелкая кухонная техника	84	5	40	39
Пылесос	91	5	36	51
Стиральная машина-автомат	91	4	40	47
Автомобиль, в т. ч.:	62	4	28	35
<i>автомобиль=иномарка</i>	39	3	9	18
<i>отечественный автомобиль</i>	29	1	19	17
Компьютер, в т. ч. ноутбук	78	4	44	31
Холодильник	99	3	34	63
Антенна спутникового телевидения	41	3	21	17
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	43	1	20	22
Кондиционер	20	1	11	8
Посудомоечная машина	13	1	8	4

*Фонем выделены ТДП, имеющиеся в домохозяйствах большинства россиян.

**Сумма значений по строке может быть более общего числа имеющих соответствующий товар длительного пользования, поскольку в домохозяйствах могло быть по несколько такого рода ТДП.

Итак, как видно из данных таблицы 3, большинство россиян имеют сейчас довольно полный набор имущества – общее число видов разного рода техники в их домохозяйствах составляет по медиане 10 из 16 замерявшихся в опросе (модальное значение – 11 видов ТДП, среднее – 9,45). В большинстве домохозяйств присутствуют в настоящее время уже не только телевизор, холодильник, пылесос, стиральная машина и кухонная техника, входившие в «минимально нормальный» стандарт домашнего имущества в начале 2000-х гг., но и автомобиль, компьютер, мобильный телефон, айфон или смартфон. Фактически в России произошёл принципиально новый для нашего общества и очень значимый по своим последствиям переход к иному стандарту потребления. Причём переход этот произошёл ещё несколько лет назад, поскольку в кризис 2014–2016 гг. активность россиян на всех товарных рынках снизилась, а после него так и не восстановилась: за последний год 67% россиян не приобрели в дом вообще никакой новой техники, 17% приобрели один вид ТДП и только 16% – два и более.

С учётом массового распространения стилевого потребления особенно важно то, что предметная среда обитания россиян за последние 15 лет не просто качественно изменилась, но и что особенно сильные изменения претерпела

распространённость всех видов компьютерной техники – компьютеры (в том числе ноутбуки), айпады и планшеты стали новой нормой жизни населения страны во всех слоях, включая низкодоходные. При этом мобильные телефоны, которые пятнадцать лет назад были ещё редкостью, не просто стали нормой жизни россиян, но и дополняются или активно заменяются сейчас айфонами и смартфонами (см. рис. 5). Это отражает то, что россияне всё шире интегрируются в цифровую среду. Об этом свидетельствует и тот факт, что три четверти граждан страны умеют работать на компьютере, причём даже в возрастной когорте 51–60 лет таких уже две трети. Более того, как уже отмечалось в литературе [Столицы..., 2018: 67–91], в Москве и Санкт-Петербурге в 2017 г. использовали цифровые технологии более половины даже тех их жителей, кто был старше 60 лет, и тенденция цифровизации старших поколений достаточно заметно проявлялась и в других регионах. Кроме того, повседневный быт многих россиян стал намного комфортнее за счёт распространения разного рода кухонной техники, спутникового телевидения, кондиционеров, посудомоечных машин и т. д.

Рис. 5. Динамика численности россиян, имеющих в собственности некоторые виды ТДП, 2003, 2018 гг., %

Столь стремительное наращивание россиянами домашнего имущества потребовало от них даже в условиях роста доходов, характеризовавшего период до 2014 г., привлечения дополнительных ресурсов. В итоге наличие **кредитно-долговой нагрузки**, являющейся нормой общества потребления, стало ещё одной новой нормой их жизни, по крайней мере для россиян в возрасте до 50 лет, среди которых ровно половина имеет те или иные виды кредитов и долгов. При этом люди среднего возраста (31–40 лет) характеризуются максимальной распространённостью (55%) кредитно-долговой

нагрузки, а молодёжь — её множественностью (каждый двадцатый россиянин до 30 лет имел весной 2018 г. три и более вида кредитно-долговой нагрузки, и ещё каждый седьмой — два её вида). **Сбережения** распространены среди россиян гораздо реже — их имели весной 2018 г. лишь 30% из них, при этом сбережения, позволяющие прожить на них не менее года, имели лишь 8%. Реже всего (23%) сбережения встречаются среди россиян 31—40 лет. Именно в их домохозяйствах с наибольшей вероятностью (84%) можно встретить иждивенцев, включая неработающих пенсионеров, а на роль иждивенцев для социально-экономического положения российских домохозяйств мы уже обращали внимание выше. Таким образом, если говорить о тех или иных возрастных группах, то в худшем положении с точки зрения наличия у них как сбережений, так и кредитно-долговой нагрузки находятся представители возрастной группы 31—40 лет, которую традиционно принято считать благополучной и не заслуживающей особого внимания государства и экспертного сообщества.

Что же касается динамики в области кредитов и сбережений, то за последние 10 лет резко (с 49 до 34%) сократилось число сторонников пассивного финансового поведения, т. е. тех, кто не имеет ни сбережений, ни кредитно-долговой нагрузки. Одновременно в условиях стабильной численности имеющих как мелкие, так и крупные сбережения резко выросла численность имеющих кредитно-долговую нагрузку, и особенно — доля населения, выплачивающего кредиты банкам (см. рис. 6).

Рис. 6. Динамика численности россиян, имеющих сбережения и разного рода долги, 2003—2018 гг., %

Сказанное выше свидетельствует о том, что относительное благополучие россиян, о котором шла речь при характеристике их жилищного положения и домашнего имущества, обеспечено не только за счёт роста их доходов в период до кризиса 2014–2016 гг., но и за счёт разного рода кредитов. Причём кредиты эти брались зачастую с расчётом на дальнейший рост реальных доходов, вместо которого в условиях кризиса наступило их фактическое снижение, сменившееся стагнацией на новом, более низком уровне после выхода из кризиса. С учётом долговой нагрузки россиян, особенно в сравнительно молодых возрастах и в семьях, имеющих иждивенцев, это означает, что их реальное финансовое положение хуже, чем можно было бы судить с учетом только размера их доходов или имеющегося у них имущества. Стремление утолить свой товарный голод, понятное после товарного дефицита советского периода и тотального отсутствия средств у массовых слоёв населения в 1990-х гг., сыграло с россиянами злую шутку — пустив всё нарастающие доходы в период 2000-х и начала 2010-х гг. на формирование нового имущественного стандарта жизни (означающего и новый образ жизни), они взвалили на себя в целях его достижения дополнительную финансовую нагрузку, которая легла на их плечи тяжёлым бременем в условиях снижения у большинства из них реальных доходов в кризис и консервации этих доходов на новом, более низком, чем в докризисный период, уровне после его окончания. В итоге кредитно-долговая нагрузка зачастую оказывается для россиян неподъёмной, превращаясь в очень серьёзную проблему даже при относительно высоких доходах. Этим отчасти объясняется и недовольство многих на первый взгляд благополучных россиян своим материальным положением, о котором мы уже упоминали в данной статье, — не случайно среди имеющих кредитно-долговую нагрузку почти половина (44%, что примерно в полтора раза больше, чем среди остальных) говорит о том, что их положение за последний год ухудшилось.

Выводы

Нынешнюю ситуацию с социально-экономическим положением населения правильнее всего было бы называть «негативная стабилизация». Стабилизация — потому что падение реальных средних доходов населения, характеризовавшее период экономического кризиса 2014–2016 гг., в последние два года прекратилось. В то же время говорить о росте этих доходов можно лишь применительно к относительно узкому сегменту населения, в основном представителям домохозяйств без иждивенцев. Однако рост их доходов делает общую картину заметно более радужной, чем она есть на самом деле, и для большинства россиян рост зарплат всё-таки неспособен перекрыть инфляцию по потребительской корзине и обеспечить улучшение их социально-экономического положения. Негативной же эту стабилизацию можно назвать потому, что если судить по динамике медианных, а не средних доходов россиян в последние годы, то большинство их живут

сейчас (при сохраняющейся инфляции и стагнации медианных номинальных доходов) в условиях продолжающегося падения реальных доходов. Причём падение реальных доходов большинства населения происходит в условиях превращения закредитованности в новую норму жизни и изменения внутренней структуры кредитно-долговой нагрузки россиян, что усложняет её обслуживание, особенно в группах, и без того находящихся в сложном материальном положении.

Эта внутренне противоречивая ситуация «негативной стабилизации» нашла отражение и в общественном сознании. Самооценки россиянами своего материального положения, заметно улучшившись после окончания экономического кризиса, остаются в последние два года неизменными. При этом число считающих своё материальное положение плохим и говорящих о его ухудшении по-прежнему гораздо больше, чем число считающих его хорошим или улучшающимся (хотя доминирует всё-таки оценка его как удовлетворительного).

В то же время если говорить не о последних годах, а о более длительном периоде (т. е. о так называемой «Путинской эпохе»), то можно уверенно утверждать, что за это время произошёл многократный рост реальных доходов населения, а образ жизни большинства россиян качественно изменился. Фактически Россия перешла за это время с точки зрения социально-экономических аспектов жизни её населения к принципиально иному состоянию общества. Появление в домохозяйствах большинства россиян, включая низкодходные слои, не только автомобилей, но и разного рода гаджетов, отражающее пережитую страной за это время взрывную цифровизацию, общее увеличение разнообразия и усложнение предметной среды, с которой они постоянно имеют дело в своей повседневной жизни, улучшение их жилищных условий, «раскрестьянивание» России — лишь некоторые, но очень важные сдвиги в их социально-экономическом положении.

Все они свидетельствуют о кардинальных изменениях в образе жизни и быте россиян, которые произошли в последние полтора десятилетия. Изменения эти столь масштабны, что, постепенно накапливаясь, неизбежно приведут (и уже приводят) к качественному изменению психологии населения и трансформации российского общества в целом. Сегодняшняя Россия — уже совсем не та страна, какой она была всего 15 лет назад. Механизм изменений в ней уже запущен, и ни кризисы, ни нынешняя стагнация доходов россиян уже не способны отменить эту грядущую трансформацию российского социума, причём изменения эти не ограничатся только дальнейшим движением в сторону общества потребления. И эту новую реальность надо учитывать как при анализе мировоззрения и поведенческих стратегий россиян, так и при выработке государственной социально-экономической политики.

Список литературы

Бедность и бедные в современной России / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. 304 с.

Индексы потребительских цен на товары и услуги [Электронный ресурс]: Росстат: [веб-сайт]. Цены. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (Дата обращения: 24.05.2018).

Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН № 5. М.: Институт социологии РАН, 2008. 80 с.

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстратные сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.

Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004. 259 с.

Слободенюк Е. Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // *Terra Economicus*. 2014. Т. 12. № 4. С. 114–129.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / М. К. Горшков и др.; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17.

Уровень жизни. Объём и структура денежных доходов населения по источникам поступления. Динамические ряды [Электронный ресурс]: Росстат [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (Дата обращения: 24.05.2018).

Дата поступления в редакцию: 13.06.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6000

Dynamics of Socio-Economic Position of Russian Mass Strata: 2003–2018

The study was performed under support of Russian Foundation for Humanities (project No. 14-28-00218-II) at the Federal State Budgetary Institution of Science, the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Tikhonova Natalia Evgen'evna

Doctor of Sociology, Chief Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia;

Professor-researcher of National Research University Higher School of Economics.

Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia. E-mail: netikhonova@gmail.ru

Abstract. The article shows that the drop in nominal incomes of the population in the last two years has come to a stop, although their real growth is seen only in a relatively narrow segment of the population, mainly representatives of households without dependents. This situation is reflected in the public consciousness. Self-assessments of their material situation by Russians, having improved markedly after the end of the economic crisis, remain unchanged in the last two years, and the number of those who consider their material situation to be poor or deteriorating is still significantly greater than the number of those who consider it good or improving. At the same time, although the standard of living of the majority of Russians decreased

compared to the pre-crisis period, this decrease has not been catastrophic, which largely mitigates negative perception of their situation by the population. The article also demonstrates that the living standards of Russians in the so-called “Putin era” have changed qualitatively: real incomes have increased dramatically, the ownership of durable goods in households has largely expanded (including the appearance of cars and different gadgets), and the material environment, with which Russians constantly deal with in their daily lives, has become much more diverse and complex. These changes were accompanied by improvements in the living conditions of Russians and, at the same time, the transformation of credit load into a norm of living. At the same time, process of “un-peasantness” of the Russian village has taken place, which had not only positive effect (in particular, reduced workload in the subsidiary farms), but also negative (for example, a decrease in the “safety margin” for rural residents) consequences. These changes are so large that they will lead to an essential transformation of the entire Russian society.

Keywords: standard of living; welfare; income; living conditions; financial behavior; lifestyle

REFERENCES

Bednost' i bednye v sovremennoy Rossii. [Poverty and the poor in modern Russia]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. M.: Ves' Mir publ., 2014. 304 p. (In Russ.).

Indeksy potrebitel'skikh tsen na tovary i uslugi. [Consumer price indices for goods and services]. [Elektronnyj resurs]: Rosstat: [veb-sajt]. Tseny. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (Data obrascheniya: 24.05.2018). (In Russ.).

Maloobespechennye v Rossii: kto oni? Kak zhivut? K chemu stremyatsya? [Poor people in Russia: who are they? How do they live? To aspire to?]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii RAN* № 5. M.: Institut sotsiologii RAN publ., 2008. 80 p. (In Russ.).

Model' dohodnoy stratifikatsii rossiyskogo obschestva: sostoyanie, dinamika, factory. [Model of income stratification of Russian society: state, dynamics, factors]. Ed. by N. E. Tihonova. M.: Novyj hronograf publ., 2018. (In Russ.).

Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja. [Russian society and the challenges of the time. Book five]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. M.: Ves' Mir publ., 2017. 427 p. (In Russ.).

Rossiya — novaja sotsial'naja real'nost'. Bogatje. Bednye. Srednij klass. [Russia is a new social reality. Rich. Poor. Middle class]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. M.: Nauka publ., 2004. 259 p. (In Russ.).

Slobodenyuk E. D. Osobennosti i struktura sotsial'noj grupy bednykh v sovremennoj Rossii. [Features and structure of the social group of the poor in modern Russia]. *Terra Economicus*. 2014. T. 12. № 4. S. 114–129. (In Russ.).

Stolitsy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pyatnadsat' let spustja. [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. M.: Ves' Mir publ., 2018. 312 p. (In Russ.).

Tihonova N. E., Karavay A. V. Vliyanie ehkonomicheskogo krizisa 2014–2016 godov na zanyatost' rossiyan. [The Impact of the 2014–2016 economic crisis on the employment of Russian]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017. № 2. P. 1–17. (In Russ.).

Uroven' zhizni. Ob»em i struktura denezhnykh dohodov naseleniya po istochnikam postupleniya. Dinamicheskie ryady. [Standard of living. The volume and structure of cash income of the population by sources of income. Dynamic series]. [Elektronnyj resurs]: Rosstat: [veb-sajt]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (Data obrascheniya: 24.05.2018). (In Russ.).

Date received by 13.06.2018.